

Вокруг Плещеева озера

В разное время года, по разным редакционным делам доводилось мне бывать в Переславле-Залесском и его округе, плавать по озёрам Плещееву и Сомину, по речкам Нерли и Вёксе, знакомиться с историческими ценностями, которыми так богат этот небольшой город с большим и интересным прошлым.

В блокноте одна за другой скапливались записи. Некоторые из них бережно хранит и магнитная лента. Есть на ней голос колокола, подарка Богдана Хмельницкого в честь победы под Переяславом-Хмельницким. Правда, газетный лист не позволяет послушать этот голос, который звучал над городом в дни всенародных событий, раздавался в праздничном салюте, возвестившем о рождении Российского флота. Но, впрочем, потеря не безвозвратна. Стоит лишь побывать в Горицком монастыре, превращённом руками заботливого Константина Ивановича Иванова в интереснейший музей.

С высоты крепостного вала...

Московское шоссе как бы надвое разрезает город. Друг на друга смотрят история и современность: крепостные валы с белокаменным собором, ведущие счёт городу с середины двенадцатого века, и фабрика киноплёнки, первое отечественное предприятие киноплёночной промышленности, недавно отпраздновавшее своё тридцатилетие.

...Я смотрел на город с высоты крепостного вала. В низких берегах петляет зеленоватая лента реки Трубеж, вдали синева Плещеева озера, тёмная кромка лесов... Крыши маленьких домиков, остроконечные колокольни, маковки храмов. А рядом, примыкая к валу, стоит одна из жемчужин русского зодчества, архитектурное сооружение мировой известности — Спасо-Преображенский собор. Белокаменный, лёгкий... Трудно найти выразительные слова для описания его благороднейшей простоты, изящества и совершенства.

В этом соборе был крещён, а позднее и венчан на княжение Александр Невский. Смотришь на собор, на валы, и представляется тебе шумная вечерая Красная площадь... Стоишь на валу, закроешь глаза, прислушаешься... И будто не ветер, а татарские стрелы и ядра свистят у тебя в ушах, доносится звон клинков и топот коней.

Князь Переславский, великий князь Новгородский и Владимирский, прославленный полководец русский — вот он перед тобой на площади. С высоты мраморного пьедестала, затянутый в кольчугу, в островерхом шлеме, смотрит он на Переславль, на землю Русскую и звучат в ушах его вещие слова: «Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет. На том стояла, стоит и стоять будет русская земля».¹

А на берегу озера, на горе Гремяч, среди берёз и клёнов старого парка, стоит ещё один памятник истории российской: небольшой деревянный мавзолей, в котором покоятся останки первой русской флотилии.

Проходишь мимо старых корабельных якорей и пушек, переступаешь порог и... попадаешь в мир мальчишеских грёз. Чудится, что сохранился ещё запах смолистых канатов, что пахнет порохом от ржавых орудий, что поскрипывают деревянные блоки, а на корме стоящего здесь бота «Фортуна» развевается первый флаг русского флота.

---

*Кузьмичёв, Б. Вокруг Плещеева озера / Б. Кузьмичёв // *Северный рабочий*. — 1966. — 27 августа. — С. 4.

¹Князь Александр Невский никогда не говорил таких слов. Они появились в кинофильме о князе и с тех пор стали его неизменным атрибутом. Это фантазия сценариста. — *Ред.*

Перед музеем медный столб. У его основания выбиты слова одного из петровских Указов. Как обычно, лаконичного, ясного: «Надлежит нам беречи остатки кораблей, яхт и галер, а буде упустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегших сей указ. Пётр в Переславле, седьмой день февраля 1722 года».

Подлинник этого документа, написанного размашистым почерком Петра, и по сей день хранится в Переславском музее, как один из ценнейших его экспонатов.

Указ этот, уже не раз цитировавшийся в разных статьях, я привёл не без умысла.

...Одними названиями переславскими можно заслушаться: река Трубеж, озеро Плещеево, гора Гремяч, Синий камень... Но посмотрите на речку с таким красивым именем. Промышленные предприятия, расположенные вдоль берегов, превратили её в своеобразную сточную канаву. И не манят сейчас к себе её берега. Разве только проскочить на моторной лодке на раздолье плещеевское.

А Спасо-Преображенский собор? Когда-то в нём был музей Александра Невского. Был... а теперь нет. Да и сам собор много лет не ремонтировали, и только недавно, вновь побывав в Переславле, я с радостью увидел, что собор понемногу начали приводить в порядок. Может быть, со временем в нём восстановят и музей? А пока же переславских потомков не очень-то волнуют слова петровского Указа и, пребывая в твёрдой уверенности, что «взыскано» будет не на них, без особого почтения взирают они на памятники нашей истории. Я имею в виду прежде всего тех потомков, коим по должности надлежит сохранять в целостности всё то, что оставил нам в наследство наш русский народ. И не только сохранять, но и прославлять творения рук человеческих, что славу России добывали.

Наверное, многие из приезжающих в Переславль-Залесский хотели бы увезти с собой в память об этом городе какой-нибудь сувенир. И, глядя на гипсовую модель Спасо-Преображенского собора, долго бы ещё вспоминали и озеро, и музей, и другие замечательные места переславские. Увы, это лишь мечты. Сувенир найти невозможно. Правда, в прошлом году возле ресторана открылся павильон с манящим названием «Сувениры», но, кроме зонтиков-тросточек, за которыми лёг пять тому назад гонялись московские модницы, да безвкусных безделушек из пластмассы, в ларьке этом найти ничего нельзя.

Вспомнилась мне сейчас пластинка с ростовскими звонами. И хотя выпущена она солидным тиражом, купить её — целая проблема. А разве не приятно, что нашими звонами заслушиваются теперь чуть ли не во всех частях света, и Ростов-Великий стал знаком не только историкам.

Между прочим, недавно мне привезли коллекцию значков из разных волжских городов. Есть тут и Волгоград, и Горький, и Ульяновск, и соседняя нам Кострома. А вот в древних русских городах Переславле и Угличе значка на память не найдёшь.

Хотя в Угличе, если попадёте на часовой завод, вам могут подарить небольшой значок.

Значит, всё это можно делать. И если уж касаться стороны финансовой, то, скажем, дополнительные средства никак не были бы лишними бюджету любого из городов нашей области.

На дальнем кордоне

Поезд, жизнерадостно постукивая на стыках, довольно быстро доставил нас в Купань. Отсюда до села Усолье рукой подать. А от Усолья вместе с лесничим Мирославом Петровичем мы отправились на дальний кордон, к леснику.

Путь наш лежал среди сосен величественных и прямых, как корабельные мачты. В пушистых их кронах посвистывал ветер. Вспоминался фрегат «Паллада», корвет «Коршун» Станюковича. Даже как-то жалко стало, что нет теперь парусников.

Мирослав Петрович неторопливо рассказывал разные курьёзы из лесной жизни. Про медведя, которого подобрали в лесу совсем ещё молодым, выкормили, выходили, а когда подрос, отвезли в лес. Поскитался Мишка по лесу, трудно было ему, отвыкшему от забот, самому добывать пропитание и, когда однажды поехали в лес за дровами, он забрался в кузов машины и ни за что не хотел оттуда вылезать. Так и привезли обратно.

А потом и вовсе уж смешная история с ним приключилась. Зашёл он как-то в магазин и, увидев мужчин, распивающих на троих, отнял у одного бутылку, сел на задние лапы и... впрочем, после этого он уже ничем не отличался от обычного пьяницы, разве только песен не пел.

— А совсем недавно, — продолжал Милослав Петрович, — ещё троих медвежат выпустили, так те тоже далеко не уходят, привыкли к заботе, то и дело наведываются...

В разговорах дорога кажется короче. Вот уж и дом лесника. Добротный, из свежих, умытых брёвен. Рядом большой сарай, стога сена, мирно, правда, под охраной этакого боевого петуха, расхаживают куры. Дверь дома была открытой, но хозяев не оказалось. И, прождав их с полчаса, мы решили отправиться в обратный путь.

— Всё равно не дождёмся, — сказал наш спутник, — где-нибудь своими егерскими делами занимаются. Так что пошли обратно, тем более скоро с соседнего участка должна в Усолье машина с лесом идти.

Дел у лесников-егерей много. В особом егерском календаре перечислены 62 вида самых разных работ. В основном это забота об увеличении численности зверей, улучшении условий их обитания. И ещё борьба с браконьерами. Ой, сколько времени отнимает она у егеря! Но, как говорится в календаре егеря, «в сознании отдельных охотников ещё не изжиты пережитки прошлого по отношению к охотничьей фауне, когда звери и птицы рассматриваются как никому не принадлежащие, которыми можно распоряжаться по своему усмотрению. Браконьер не только враг природы, но и враг нашего социалистического общества».

А браконьеры попадают разные. Есть среди них и те, кто сами должны воспитывать в людях бережное отношение к народному богатству. Как-то раз егеря наткнулись, в запретное для охоты время, на одного директора завода из соседней области. Привели в Усолье. Составили, как полагается, акт. А как уж он, бедняга, выкручивался, даже ящик спирта предлагал. Ну, уплатил всё же положенный штраф.

— Давай, Захар, трогай, — проговорил шофёр, когда мы кое-как разместились в кабине. И «Захар», приспособленный под лесовоз ЗИЛ, медленно, с трудом пополз по узкой извилистой лесной дороге. Видно, не очень-то легко было ему тащить пачку здоровенных брёвен. А когда выбрались на асфальт, водитель наш заметно повеселел и повёл машину играючи, насвистывая какой-то несложный мотивчик.

Очевидно, незадолго перед нами по этой дороге прошла машина с зерном. И то ли у неё было плохо закрыты борта, то ли ещё что приключилось, но только на дороге образовалась неширокая золотистая полоска.

— Интересно, — сказал шофёр, чуть притормаживая своего «Захара», — что это за сеятель такой нашёлся. Только место что-то плоховатое выбрал. Тут, пожалуй, и семян потом не соберёшь. Может, догоним разяву? — уже без улыбки предложил он. Машина пошла быстрее, но догнать так и не удалось. Вскоре показалось Усолье.

А на другой день нам довелось встретиться с настоящими браконьерами уже не в рассказах, а, как говорится, наяву.

По Вёксе

— Поехали! — скомандовал Диктор, прыгнув на нос лодки. Егерь запустил мотор, и узкая, вёрткая лодка заскользила по какой-то необыкновенно ровной Вёксе. Виктор — это охотовед.

Когда плывёшь по Вёксе, то уж никак не скажешь словами из детской загадки: «еду, еду — следу нету». След — это чистая полоса среди заросшей реки. То ли она чистая потому, что беспрестанно бегают здесь быстроходные лодки, то ли они плавают именно тут, чтобы на винт не наматывались водоросли.

Минут через десять выбрались на просторы озера Сомино. У Виктора задача вполне определённая: проверить — не браконьерят ли. Способов незаконного лова здесь много, и нужно иметь наметанный глаз, чтобы издали различить нарушителя.

— А ну-ка, давай влево, — командует Виктор. И уже через несколько минут у нас в лодке появилась первая разбойничья снасть. Виктор немногословен, в разговоры излишние не вступает и, видно, его тут побаиваются. Ловить браконьеров — занятие не из приятных. Надоели их оправдания. У каждого обязательно кто-то или приехал, или должен приехать, или сегодня уезжает. Вообще все они выехали половить единственный раз, и вот какая вышла оказия.

— Ну, вот, а ещё говорят, что рыбаки да охотники горазды на всякие истории, — заметил я Виктору. — А тут такое однообразие.

— Так то настоящие рыбаки, — коротко бросил он, — а не эти... Правь вон на то деревце, — вдруг приказал он нашему «капитану».

Лодка помчалась поперёк озера. Нам причина такой спешки была непонятна, но спрашивать не стали, тем более, что охотовед наш весь обратился в зрение. Скоро всё стало ясно и нам. В тени нескольких деревьев стояла лодка, всё дно которой было покрыто рыбой. Орудия лова были тут же, видно, не успели их припрятать.

Браконьер, здоровенный мужик — Виктор против него совсем мальчишка, — с мясистым лицом какого-то неопределённого красно-синего цвета и заплывшими водянистыми глазками, начал было юлить.

Словесная перепалка длилась минут пять. Наконец, Виктору это надоело, и так как перейти в лодку мужика и забрать у него снасти было неудобно (не хватало каких-то сорока сантиметров). Виктор махнул рукой, что должно было означать: «а ну, подай чуть вперёд». Мотор неожиданно взревел, и... через секунду наша лодка уже свешивала свой нос за другим бортом браконьерской плоскодонки, так наклонив её, что физиономия у хозяина из красной моментально сделалась белой.

Мы, видимо, выглядели немногим лучше. Дело тут в том, что в озере много сапропеля и подходит он к самой поверхности воды. Вывались из лодки, и тебя засосёт эта серо-бурая жижа. К счастью, инцидент закончился благополучно, и когда мы отплыли довольно далеко, оправившийся от испуга мужик посылал по нашему адресу отборные ругательства.

— Сетку жалеет, — сказал Виктор, — хорошая у него была сетка, капроновая. — И, свернув, он уложил её в нос лодки: — А прийти за ней наверняка не придёт. Знает, что штраф будет изрядный.

Сделав ещё несколько рейсов в разных направлениях, лодка наша легла на обратный курс. Мы помогли Виктору донести до сарая трофеи. Бережно уложив их, он запер сарай, для верности ещё раз дёрнул замок и, махнув нам на прощание рукой, неторопливо зашагал. Его ждали дела.

Через полчаса автобус увозил нас в Переславль...

Б. Кузьмичёв,
Переславль-Залесский—Ярославль,
1962—1966 гг.